

18+

ВАСИЛИЙ КАРЦЕВ

МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

СБОРНИК

Василий Карцев

**МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ
И БУДУЩИМ. Сборник**

«Издательские решения»

Карцев В.

МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ. Сборник /
В. Карцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511238-5

В книгу «МИГ между прошлым и будущим» вошли воспоминания автора, рассказы и повесть «КОРШУН — птица вольная». Повесть о казачьем Доне начала XX-го века и до 70-х годов XX-го, такого не простого для донского казачества века!

ISBN 978-5-00-511238-5

© Карцев В.
© Издательские решения

Содержание

Коршун – птица вольная.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

МИГ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Сборник

Василий Карцев

© Василий Карцев, 2020

ISBN 978-5-0051-1238-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карцев Василий Фёдорович

Родился 18 июня 1957 года. В с. Устье Моршанского р-на Тамбовской обл. Фотохудожник. Автор фотовыставок: «КУПОЛА РОССИИ», «ВОЛШЕБНЫЙ МИР ИСКУССТВА», «ЗОЛОТЫЕ КУПОЛА», «ДОН ТИХИЙ» – (приурочена к 110 —летнему юбилею со дня рождения лауреата Нобелевской премии по литературе 1966 года, выдающегося писателя М.А.Шолохова.) В 2013 году Василий Карцев организовал и возглавил творческий клуб «РАДУГА». Ц.К. П. Ц.Г.П.Б. им А. П. Чехова. Г. Таганрог. В 2015 г. – «Творческая мастерская Василия Карцева» провела фотоконкурс «Приазовская волна – 2015». В 2017 г.– в городе Шахты был проведен фотоконкурс под названием «Красота живет повсюду». Этот конкурс был организован и проведён совместно с Шахтинским краеведческим музеем. Активное участие в фотоконкурсе приняли учащиеся и студенты города Шахты. В 2018 г. Проведен интернет конкурс «МОЯ СТРАНА!!! – МОЯ СЕМЬЯ!!!». На фотоконкурс было прислано около шестисот работ из разных уголков нашей страны. В число победителей попали тридцать восемь лучших, по мнению «жюри» фоторабот. Работы восьми участников, были признаны лучшими и они

получили дипломы и кубки победителей. В книгу «МИГ между прошлым и будущим» – вошли воспоминания автора, рассказы и повесть «КОРШУН птица ВОЛЬНАЯ».

Ангелы мои хранители – У каждого из нас есть Ангелы хранители! И у всех они свои – данные Господом Богом! Когда мне нужна помощь – Господь посылает их мне помочь. В моей прожитой жизни, да и сейчас тоже – АНГЕЛЫ спускаются с небес в виде моих докторов. Ведь неспроста в народе есть хорошая поговорка – «врачи не боги – но дают – помоги!!!» В этом я убеждаюсь очень даже часто! Приведу лишь один пример из жизни: работая стажером помощника составителя поездов на станции Моршанск, мне после ночной смены нужно было утром сдавать экзамены у начальника станции. Работал же я в паре со своим зятем – Николаем Адолиным. И вот ближе к полуночи, он – нарушая все инструкции, предлагает мне поехать домой и поспать хоть несколько часов перед экзаменом. До дома добраться можно сев в поезд Моршанск – Пенза, который отправлялся через минут пятнадцать. Я быстренько переоделся и побежал на (ж. д.) вокзал. Успел вовремя – поезд уже начал движение и я практически на ходу заскочил на подножку вагона. С перрона мне кричали: ты куда!!! Прыгай!!! Но я крикнул в ответ – домой! Дернул ручку вагонной двери и понял что она, почему то закрыта. Обычно двери до нашего полустанка не закрывали. Но мне привыкшему висеть на подножке вагона чуть не всю смену, промчаться один небольшой перегон не составляло большого труда. Поезд все набирал ход и я увидел, что промелькнул наш полустанок, а поезд мчался без остановки дальше. И только когда через пять километров на ст. «Коршуновка» – я увидел зеленый цвет семафора, все стало на свои места. Я по ошибке сел не тот поезд. Это был скорый – «Москва – Павлодар». И он тоже отправлялся с разницей в пять минут от первой платформы с первого пути. А наш пассажирский, отправлялся со второго пути. Поэтому мне и кричали рабочие станции. Дальше все как в замедленном кино – впереди река ЦНА и железнодорожный охраняемый мост, а вот дальше только лес, – километров на семьдесят ни одной живой души. В голове все смешалось, но я четко понял, что прыгать придется, и лучше это сделать до моста. Так был хоть маленький шанс на спасение. Прыгни я за мостом – меня бы нашли в лучшем случае весной.... На раздумья было не больше минуты! Увидев летевший мне навстречу кустарник, я – как меня и учили прыгать, отпустил поручень вагона и буквально врезался в растущие вдоль насыпи кусты. Конечно, перед тем как отпустить поручень я, как и все и всегда – крикнул – Мама!!! – И всё!... Очнулся от сильной боли в плече. Не шевелясь, посмотрел в верх и увидел звёздное небо, и где то там высоко видно было арку моста. Прыгнув в кусты, я смягчил падение, буквально пробив кусты, и скатился по бетонным плитам вниз к воде. Полежав ещё некоторое время, я решил пошевелить руками и ногами. К счастью ноги были в порядке, а вот левая рука страшно болела и висела плетью. Кое – как встав на ноги, взял здоровой правой рукой левую и засунул ее за пазуху. Куртка, которая была на мне, скорее напоминала костюм «лешего», вся изодранная в клочья. Шапку и вязанный шерстяной шарф я даже не искал. Они я думаю, остались на кустах, сквозь которые я пролетел. Потихоньку стал карабкаться на насыпь. Выбравшись на ж.д. полотно я медленно побрел по шпалам в сторону дома, а это километров шесть. – Голова, руки, лицо – все было в замерзающей на морозе, похожей на пену крови. Не знаю, как дошел до дома, помню только, как постучал в окно, как вышла моя мама, увидев меня, всплеснула руками.... Больше ничего не помню. Очнулся в больничной палате и услышал – ну вот и пришёл в себя наш лётчик. Я открыл глаза – надо мной склонился доктор – это был мой первый ангел – хранитель в образе зав. Хирургическим отделением – Волкова Валентина Никитича! Он аккуратно заштопал мою разбитую голову и к вечеру я уже разгуливал по палате забинтованный, загипсованный (перелом ключицы) и с рукой на вылет, как крыло самолета. Некоторое время спустя – доктор Волков спас мне жизнь в более серьезной ситуации, которая могла для меня закончиться трагически. Но это как говорится – совсем другая история.... Да! – Господь Бог на протяжении всей моей жизни посылал мне на помощь ангелов

в белых халатах! Мне хотелось бы рассказать обо всех, но для этого мне бы пришлось написать не одну и не две страницы моих воспоминаний. Но я перечислю фамилии и имена тех людей без помощи, которых меня уже бы давно не было на этом свете: – Это Склярецкий Сергей Михайлович – заведующий отд. реанимации районной Усть-Донецкой линейной больницы. Это он буквально вытащил меня с того света, когда у меня случился второй инфаркт, за что ему низкий поклон и моя искренняя благодарность. Вообще он Замечательный человек и врач от бога!: Хочу рассказать вам про еще одного моего ангела хранителя – Это Овчинникова Ольга Александровна – практически всю свою врачебную жизнь, проработавшая в Усть – Донецкой районной больнице. Мы познакомились, когда она была моим лечащим врачом. За двадцать лет нашего знакомства Ольга Александровна (мы общаемся и по сей день) постоянно повышала свой уровень знаний в медицине. Она не только была лечащим врачом в стационаре, но и вела прием больных в поликлинике. Какое то время занимала должность – заместителя глав. врача по лечебной части. Сейчас она продолжает трудиться и заведует дневным стационаром районной больницы. Я очень благодарен всем тем медицинским работникам, которые в критический для меня момент оказывали помощь. И не важно – были это доктора или мед. сестры и санитарочки. – Важно то, что они помогали нам, больным людям, встать на ноги. И еще я хочу рассказать об одном удивительном человеке, Ангеле моём хранителе в белом халате, которого мне послал Господь, когда моё сердце не выдержало, и случился очередной инфаркт. – Это Марина Игоревна Петренко! – Заслуженный врач Р.Ф. – Заведующая кардиологическим отделением городской больницы им. ЛЕНИНА г. Шахты. Это светлый, добрейшей души человек! Очень внимательно относится к больным, Старается к каждому больному найти свой подход. Она мой лечащий врач, мне легко с ней общаться. Мы, больные, проходящие стационарное лечение с радостью ждем утреннего врачебного обхода. И как бы нам не было плохо, при появлении Марины Игоревны в палате, все стараются казаться хоть чуточку здоровее. Это потому что она приносит нам в палату положительную энергию. Она хоть иногда и выглядит слегка уставшей, внешне она и правда похожа на доброго ангела. Всегда безупречно одета, стройна, молода и привлекательна. И это притом, что до обхода она два часа вела прием экстренных больных. И что у неё как у заведующей есть много хозяйственных дел по отделению. А ещё под её руководством большой коллектив врачей, среднего и младшего медперсонала. Но это не отражается на ее отношении к нам, больным людям. У Марины Игоревны всегда находится нужное, доброе слово для всех без исключения. Я рад и горжусь тем, что мне бог послал такого ангела хранителя! Ведь мало СТАТЬ хорошим врачом – гораздо труднее им БЫТЬ!!! 2018г.

Коршун – птица вольная.

Часть первая

1. – На среднем дону в одном из хуторов расположенных по правому берегу жил не слишком приметный среди таких же, как он донских казаков – Тимофей Коршунов. Или «Коршун» как его звали на хуторе. Был он молод, здоров, да и лицом недурён. С лёгкой горбинкой нос, орлиный взор из под густых бровей и как смола черный чуб, выбивающийся из под лихо сдвинутой форменной с красн. Жил Тимофей вдвоём с матерью. Отца своего он не помнил и знал его только по фотографиям, что висели в рамках над кроватью матери. На одной он был запечатлён с молодой красивой казачкой – его матерью. На другой фотографии отец в папахе и при пашке смотрит задумчиво, куда – то вдаль. Этот снимок сделан был перед отправкой на войну с «германцем». С той войны он не вернулся, сгинул, где то в Австрии. Был у него младший брат Архип, но он умер от «тифа» – страшной болезни, от которой умирали целыми семьями. В те годы эта болезнь унесла жизни сотни, а то и больше – тысяч людей по всей России. Тимофей в это ужасное время жил в Ростове у двоюродного брата матери и четыре года познавал науку, обучаясь в церковноприходской школе при храме Николая Чудотворца. После окончания школы – дядька через знакомство со знатными заказчиками устроил ему место в гимназии. Ростов в те времена был большим торговым городом. Купцы и промышленники Ростова считались очень богатыми людьми в царской России. Семья – где жил Тимофей считалась зажиточной. Дядька имел свою шорницкую мастерскую на Крепостном спуске. У него в мастерской работали четыре мастера шорного дела высшего класса, которым он поручал особо важные заказы от богатых купцов. В те времена конская сбруя считалась как бы визитной карточкой того или иного делового человека. И чем богаче был человек, то и сбруя на его экипаже была дороже. Наборные уздечки, шлеи и седёлки, украшенные бронзовыми, а то и серебряными бляхами и пряжками показывали, насколько успешен, и богат владелец чёрного лакированного, на резиновом ходу экипажа. Тимофей все свободное от учёбы время проводил в мастерской – помогая и постигая шорное дело. За то время что он прожил в Ростове – Тимофей не только выучился грамоте, но и в шорном деле стал разбираться неплохо. Мог самостоятельно сработать хомут, а это не так просто. Хомут в упряжи главный. Без хомута нет упряжи, Хороший хомут стоил приличных по тем временам денег. Но и качество было на первом месте. На плохом хомуте далеко не уедешь, как на плохой подошве далеко не уйдёшь. И всё вроде было хорошо, но тут пришло известие о смерти брата Архипа. Приехавший на базар хуторянин сообщил Тимофею скорбную весть. Понимая, что мать осталась одна – он, не задумываясь, распрощался с городом. Собрав нехитрые пожитки и попрощавшись с дядькой и его домочадцами. Поблагодарив за хлеб и кров, уехал на хутор. Уехал на подводе заехавшего за ним соседа хуторянина. Переночевав в степи в стогу сена, они к обеду подъехали ко двору, где его встретила заплаканная убитая горем – сразу как то постаревшая мать. Вдвоём сходили на могилку брата. Молча, постояли, помолились за упокой его души и, поправив букетик полевых цветов положенный кем – то в изголовье потихоньку пошли в сторону хутора. По дороге домой им встретились похоронная процессия, проклятый «тиф» забрал жизнь ещё одного человека и казалось – что конца этому не будет. Но с наступлением холодов, а затем крепких морозов «тиф» все же отступил. Но успел выкосить косой смерти чуть не половину жителей хутора. Тимофей в свои восемнадцать лет выглядел гораздо старше своих друзей. Жизнь в городе наложила свой отпечаток. Рано повзрослев – Тимофей понимал, что теперь ему придется много работать, что бы прокормиться с матерью в такое тяжелое время.

2. – К Рождеству он отремонтировал плуг, перебрал зубья на боровах, сработал новую сбрую. Вот только коня у него не было. Но этот вопрос по весне решил сам собой! В хуторе

были лошади, но не было мужиков. Кого скошил «тиф» кто не вернулся с войны. Так что мужики на хуторе были нарасхват. Вот и на Тимофея, несмотря на его юный возраст, положила глаз одна молодайка. Хотя она и была за мужем, но как говорили тогда, была «соломенной вдовой». Её замужество продлилось ровно неделю. А через неделю после свадьбы мужа забрали на войну. Спустя ещё месяц приехал станичный атаман. Вручил ей георгиевский крест и гербовую бумагу, в которой было написано, что муж её Семён Коршунов геройски погиб в бою за Царя и Отечество. Вот так и жила, едва управляясь с хозяйством. А хозяйство было немалым. Ещё перед свадьбой их с мужем отделили родители, в самостоятельное хозяйство, выделив молодой семье корову, лошадей пару, овецек десятков, а так же инвентарь хозяйственный да ещё плуг и конную косилку. Так что все в хозяйстве было, кроме мужика. А без мужика – какое хозяйство, одна маята, да и только. Вот и приглянулся Агаше – сосед молоденький. Агафье то самой в ту пору было двадцать. Замуж за Семёна родители выдали в семнадцать, боялись, чтоб в девках не засиделась. Да и жених хороший и хозяйство есть, Что ещё нужно для хорошей молодой семьи? Но судьба распорядилась иначе. Осталась Агаша одна, а жизнь то идет. А тут Тимофей из города вернулся. Здоровый, красивый и говорит по – городскому и одет не по хуторскому. А главное как увидит она его, так сердечко сильнее бьётся – из груди вырывается. Вечером как то гнала корову из стада и повстречала за околицей Тимофея. Доброго вечера соседка – поздоровался Тимофей. Как живется – можется, как хозяйство множится? – Хозяйство-то множится, да вот без мужика не можется. В тон ему ответила Агафья и игриво повела плечами, прикрытыми цветастой шалью. Тимофей даже смутился от такого ответа, но встретившись с ней взглядом, понял, что творится в душе этой молодой, красивой вдовушки и продолжил балагурить. Так они прошли по улице до его ворот, а она погнала корову в свой двор. В эту ночь Тимофей не мог заснуть. Он вспоминал встречу с Агашей. Её шелковистые волосы, выбивающиеся из под косынки. Улыбку и красивые карие глаза с поволокой. Тимофей вдруг понял, что ему нравится Агаша, и он хочет ещё раз увидеть её сегодня! сейчас! Накинув на плечи кожушок тихонько, чтобы не разбудить спящую мать, он вышел во двор. Свежий ветерок слегка шевелил ветви яблони растущей около крыльца. Покурив сигарку и бросив окурок в кадку с дождевой водой, он уже собрался идти спать и тут он услышал, как в соседней хате скрипнула на ржавой петле дверь и на пороге появилась женская фигура в белой исподней рубашке. Ноги сами понесли его к соседскому плетню и в тот же миг, в его сторону двинулась белая женская фигура. В одно мгновение они оказались у плетня и их руки сами нашли друг друга. Да это был не сон, перед ним стояла Агаша. Он просто опьянел, от близости её пахнувшей молоком и скошенной травой, спрятанной под рубашкой груди. Так обнявшись, не говоря ни слова друг другу, они простояли до самой зари. Общась, на каком – то подсознании, они поняли, что им хорошо вдвоём как будто сам Бог соединил их сердца и души. И только когда первые петухи возвестили о наступлении нового дня они, поняв, что их не должны видеть вместе и их тайная встреча не даст повода злым языкам. Они расстались, что бы встретиться вновь. Хотя они и встречались, тайно прячась от людской молвы, через неделю весь хутор знал об их отношениях и хуторские злые на язык бабы уже судачили, у колодца о том, что вдовушка Агашка по ночам привечает Тимошку Коршунка. И шастает, он к ней чуть не «кажну» ночь, да и в степи их видели вместе. И на заре соседка видала, как Тимошка через плетень перемахивал в свой двор. Мать ему говорила – сынок, ну что тебе девок, не замужних не хватает? зачем тебе молодому – вдова? да и старше она тебя. Но Тимофей только отмахивался и говорил – я казак вольный с кем хочу с той и гуляю. Я же не жениться собираюсь – просто нравится мне наша соседка Агаша и что тут плохого? Ну, помог ей калитку поправить, ведь она одна совсем или не мужик я что ли? Или не учила ты меня тому, что надо помогать людям? На этом их разговоры про настойчивую соседку заканчивались и мать, утирая слезы, с грустью говорила – весь в отца пошёл, тот тоже был упрямый, но душой добрый и всем старался помочь.

3. – Так продолжалось до самого сенокоса. И тут бабы стали замечать, что Агаша полнеть стала и животик у неё округлился. Тимофей как то незаметно перебрался к ней в хату и вел её хозяйство. К концу июня сыграли они свадьбу, обвенчались в церкви как положено и пригласили гостей. Столы свадебные накрыли прямо во дворе под старой раскидистой грушей, которую посадил отец Тимофея, когда тот появился на свет. Гости нарядные, не каждый день на хуторе свадьба! – Молодые казачки в легких цветастых блузках и праздничных юбках, на плечах тонкие кашемировые и шелковые косынки. Парни в светлых рубашках и в шароварах, с красными лампасами заправленных в хромовые – гармошкой – сапоги. Столы ломились от разных закусок и угощений. Здесь и гуси жареные и осётрина, запеченная в русской печи начиненная черносливом. Перед молодыми на столе на огромном блюде – «молочный поросенок» обложенный запеченными яблоками аппетитно поблескивает золотистой прожаренной корочкой. Между тарелками и блюдами с разносолами возвышались «четвертные» бутылки с донским вином на любой вкус. Светлое «мускатное», розовое, красное – на Дону много сортов винограда и сортов вина тоже достаточно много. Ведь Донские края во все времена славились своими сортами винограда. Как говорили старики: виноградка – это капля вина, а гроздь винограда это уже бокал! Был на столе и самогон – как же без него на свадьбе? Но в те времена больше пили чистое виноградное вино. Оно веселило душу и бодрило тело. После первых рюмок за здоровье молодых и криков «ГОРЬКО» наступало общее веселье. Начиналось всё с застольных песен – кто – то начинал – «Пчёлочка Златая – а што же ты жужжишь» – и сразу все гости подхватывали песню и даже пускались в пляс. «Молодые» степенно сидели во главе стола, как и положено, на свадьбе, стесняясь, целовались, когда им в очередной раз кричали «ГОРЬКО». Приглашённый на свадьбу гармонист рвал меха гармошки, играя «барыню» или «цыганочку с выходцем» а потом заводил «кадриль» и все степенно танцевали этот весёлый и в тоже время спокойный, душевный танец. Пары казалось, плыли – то приближаясь и соединяясь, то расходясь, чтобы через минуту вновь оказаться рядом друг с другом. В казачках всегда присутствовала некая грациозность, степенность и уважение к укладу жизни сложившегося с незапамятных времён. Но какая свадьба без драки?! Нет – свадьба без драки – это не свадьба. Изрядно хлебнув вина и добавив самогона кто то – кому то, что – то сказал и вот уже рвут на груди праздничную – может единственную рубашку и бьют друг другу морды, даже не понимая за что и почему. Но бьют! – потому что надо! – потому что свадьба же, чёрт возьми. Без этого ну ни как, да и вспомнить будет нечего! Это получается что – пришли на свадьбу поесть – попить? Нет без драки никак нельзя! Свадебная драка – дело минутное. Вскоре все участники мирно сидели за столом и горланили песни как будто и не дрались они вовсе! Только порванные рубашки и фиолетовые «фонари» под глазами выдавали драчунов. Но зато свадьба была настоящая с мордобоем – на то она и свадьба. К полуночи за столом оставались лишь самые крепкие на выпивку гуляки. В основном гости уже разошлись, но по хутору до самого утра слышались песни. Это за околицей ближе к Дону молодежь продолжала гулять. Оставшиеся за столами гости мирно пили вино и пели свои любимые – донские песни. Тимофей с Агашей потихоньку перебрались подальше от людей под навес, где стояли телеги и сани. Обнявшись, лежали на свежескошенной траве, охапку которой Тимофей бросил в старые сани. Они смотрели на звездное небо и строили планы на будущее. И Тимофей, нежно поглаживая её уже заметно округлившийся животик, говорил – вот родишь нам сына, вырастет – будет мне помощником, и будем жить, не тужить. Агаша только вздыхала и шептала – дай то Бог, дай то Бог. Вон бабы говорят што царя с власти скинули. Смута в столице. Да и Федька – хромой, что с войны раненый вернулся, то же самое гуторил. Не видать нам Тимоша мирной жизни. А как заберут тебя на службу?! Опять я одна одинёшенька, останусь и заплакала тихо по – бабы – положив ему голову на грудь. Ну, што ты мокроту развела, с улыбкой сказал Тимофей и поцеловал её в заплаканные глаза. У нас токо свадьба прошла, веселиться надо, а ты плачешь. Всё у нас с тобой будет хорошо. Да и где мы и где эта наша Столица? Вон не успеешь оглянуться,

осень подойдет – хлеб убирать будем да муку на зиму готовить. На мельницу в станицу поедем на «ПОКРОВА» – там ярмарка будет. Сапожки куплю тебе новые! А ты плачешь! У нас теперь всё будет хорошо. Да и плакать тебе нельзя, а то родишь не мужика, а плаксу. А мне Агаша наследник нужен. Ты уж постарайся – роди мне помощника.

4. – Как ни старалась Агаша, но аккуратно под новый год родилась у них дочка. Тимофей, мечтавший о сыне – помощнике и услышав от повитухи, что родилась дочь, напился «с горя». Но проспавшись и собравшись с мыслями, сказал – что если Бог послал им девочку, значит, так богу угодно. Через месяц дочку «окрестили» в местном храме и нарекли Катериной в честь матери Тимофея. Катюша родилась крепким здоровым ребёнком и к пасхе уже агукала и тянула ручонки к отцу, когда тот подходил в свободную минутку к плетеной люльке, подвешенной к потолку на вбитый в балку крюк с кольцом. На пасху Катюшу вынесли в большой корзине на двор. Солнце уже светило ярко. На дворе было тепло, и дочка уже пыталась ползти и переворачивалась с боку на бок, подставляя свои розовые щечки под ласковые лучи солнышка. Агаша души не чаяла в дочке и разрывалась между ней и хозяйством. Хорошо, что свекровь помогала следить за дочкой, а то бы ей одной трудно было бы справляться и с дитём и с хозяйством. Тимофей – ведь он что? То в степи, то на пашне от зари до зари. А ещё рыбалил по ночам на Дону. Рыбалили практически все хуторяне. Рыба в Дону водилась!!! Поймать рыбы на уху мог даже самый ленивый. В реке в те времена водились сомы, осетры, белуга и конечно царская рыбка «стерлядка» которая всегда была в цене на любом базаре. После Пасхи на хутор приезжали из Ростова перекупщики и скупали всю пойманную рыбу. Грузили бочки с засоленной рыбой на подводы и везли в Ростов. Там сбывали рыбу торговцам на Нахичеванском и Главном (на Соборной площади) базарах. За два месяца весенней рыбалки хуторяне имели не плохой заработок от продажи рыбы. А в апреле они уже вовсю пахали и сеяли. Им надо было растить хлеб. А рыбалкой занимались только старики да детвора. До самого июня по заливным лугам в маленьких оставшихся после половодья озерах оставалось много разной рыбы. А воды становилось всё меньше и меньше. Вот тогда выходил на рыбалку «Стар – да – Мал». Засучив по колено штаны, лазали они по озеркам с «бредешками», а то и просто с плетёнными корзинами. И улов всегда был приличный. Попадались не успевшие уйти по большой воде, метавшие икру сомы и сазаны по полпуда весом. И шуки было просто не меряно! А вяленой «чехонью» – бывало, топили печи вместо дров. В общем, всяк – занимался своим делом. К осени Тимофей построил новый, тёплый коровник. Стены с двух сторон обмазали глиной и даже побелили. Крышу накрыли «чаканом» (камышом), который ещё по зиме заготовил Тимофей на пару с соседом Иваном. Заготовили впрок, так что бы хватило на два коровника. Иван по весне вернулся со службы и потихоньку обустроивал «захудавшее» без мужских рук хозяйство. За время недолгих приездов на побывку он успевал только пополнять свое семейство детками. И по возвращению со службы у него «трое по лавкам бегали, да один в люльке». В общем четверо и все ложками стучат – кушать хотят! Так что успевай, поворачивайся! Так в трудах и заботах прошел год. Подросла дочка Катенька. С весны уже ножками ходила по молоденькой травке – муравке, что ковром стелилась во дворе. Уже помогала гонять гусей со двора, подражая Агаше. Возьмёт веточку, машет и кричит – кыш, кыш «каянные». Побежит, запнетса о траву, упадет и ревет. Агаша поднимет, возьмёт на руки, и вдвоём гонят гусей к реке.

5. – И всё бы хорошо было, но по осени призвали Тимофея на военную службу. С ихнего хутора «забрили» в солдаты восемь человек. Вызвал их атаман и зачитал приказ. По которому на сборы отводилось всего три дня. Все эти последние дни Тимофей как мог, успокаивал Агашу. Говорил, что война почти закончилась, и он скоро вернётся домой. Жена плакала и, прижимая дочку к себе, говорила – неужель опять мне одной горе горевать! Да тоской – тосковать? Один муж погиб и другого забирают от малого дитя. Тимофей за эти три дня постарался сделать по хозяйству всё что можно. Где то подправил крышу, навел порядок в коровнике. Сложил заготовленные дрова, и кизяк под навес, что бы снегом ни замело. Вечером в канун

отъезда собрались призывники во дворе у Тимофея под той самой грушей. Выпили вина, поговорили о предстоящей службе. Сидевшие за столом старики давали напутствия, вспоминали свою военную службу. Кто – то затынул казачью походную песню «Не для меня придет весна – не для меня Дон разольётся». Бабы заголосили, запричитали – но старый казак Никифор так гаркнул на них, что они враз замолчали и даже стали подпевать, украдкой утирая слёзы. К полуночи все разошлись по своим дворам, что бы до утра побыть дома с семьёй. Утром все собрались у хуторского правления. Атаман сделал переключку и, убедившись, что все в сборе, дал команду на отправку. Сложив свои котомки с бельём и харчами на повозку – призывники вместе с провожавшими их женами и детьми, направились через хутор к берегу Дона. Из – за поворота реки, уже показалась баржа на буксире. Буксир подошел к пристани, матрос сбросил на берег сходни. Распрощавшись с родными, новобранцы погрузились на баржу и буксир, дав три долгих гудка, зашлёпал по воде лопастями гребных колёс и отчалил от берега. Провожающие ещё долго стояли на высоком обрывистом берегу и махали фуражками и платками. Стояли до тех пор, пока буксир с баржей не скрылся за поворотом реки ниже по течению. Поздно вечером добрались до «Аксая» и стали на якоря. С берега на шлюпке прибыл караульный казачий наряд, офицер выставил часовых и ни кого до утра на берег не пустил. Рано утром загремели якорные цепи. Снявшись с якорей, буксир с баржей причалил к пристани. На берегу уже собралось не меньше сотни таких же новобранцев ожидавших отправки в «Казачьи летние лагеря». Получив приказ привести себя в порядок и позавтракать, все пошли к Дону на песчаную отмель. Искупавшись, потянулись к дымящим и вкусно пахнущим кашей заправленной поджаренным с лучком сальцем – полевым кухням. После завтрака дали команду строиться. Офицеры провели переключку, и, сверив наличие призывников по спискам, отдали приказ выступать в пешем строю в расположение казачьих лагерей. Так и шли пешком, строем по четыре. Впереди верхом – два офицера, позади верховые казаки из наряда охраны и повозки со сложенными на них вещмешками и котомками призывников. Ближе к вечеру прибыли в расположение казачьих лагерей и после ужина получили команду на отдых до утра. Утром, как только трубач сыграл «подъем» новобранцев построили на плацу. Оказалось что вместе с прибывшими на кануне на барже, на плацу собралось не менее трёхсот молодых новобранцев. Младшие офицерские чины, получив приказ от начальства, тут же разбили их на «сотни» и «полусотни». И после санобработки и бани повели новобранцев на склады получать обмундирование. Одетые в новую еще не подогнанную и не обношенную форму, все вдруг стали похожи друг на друга. Даже прибывшие вместе с Тимофеем соседи хуторяне не могли сначала узнать в этой серой людской массе своих односельчан.

6. – Но через месяц пребывания в «Казачьих лагерях» и каждодневной «муштры» они выглядели как заправские донские казаки с лихо заломленными форменными фуражками и при погонах. Получив основные навыки штыкового боя, стрельбы из разных положений и джигитовке, которой практически все, может быть за малым исключением, владели с детства. В свободные минуты Тимофей вспоминал об оставшейся на хуторе семье. Думал о жене и дочке – как им там теперь тяжело без мужских рук. Ему хотелось хоть на минутку вернуться в мыслях домой на хутор. Вернуться к мирной жизни, снова пахать землю и сеять хлеб. Но это были только его мечты. А в действительности всё складывалось иначе. В «лагерях» ходили слухи, что в Петрограде революция, мол, царь отрёкся от престола и у власти теперь временное правительство во главе с Керенским. А кто такой этот самый Керенский – толком никто не знал. Но дыма без огня не бывает! Приехало Большое начальство из Ростова и через два дня назначили принятие присяги. А через неделю после принятия присяги на верность царю и отечеству, их вместе с лошадьми и обозом отправили в Новочеркасск на железнодорожную станцию. К платформе подали состав из товарных вагонов, и началась погрузка. По деревянным настилам заводили в вагоны лошадей, грузили мешки с фуражом. Вручную закатывали в вагоны повозки с сеном и тачанки с пулемётами. Отдельно грузили боеприпасы, аккуратно складывая

ящики со снарядами и патронами в стоявшие в середине поезда вагоны. На открытые платформы закатили шесть трёхдюймовых пушек и походные кухни. Весь личный состав погрузили в вагоны – теплушки. В вагонах с лошадьми дежурили сменные коноводы из «обоза». Пока шла погрузка, на соседний путь пришел бронепоезд. Стальной «монстр» – ошетилившийся пушками и пулемётами, закованный в броню. Паровоз пыхтел и выбрасывал в стороны клубы горячего пара. Многие казаки до этого ни когда вообще не видевшие железной дороги и паровоза, крестились, испытывая настоящий ужас при виде дымящей, лязгающей и фыркающей паром железной махины. Из открывшихся дверей и люков стали выпрыгивать солдаты из obsługi бронепоезда. Были они слегка помятые и неопрятные, но служба на бронепоездах была не легкой. Замкнутое пространство, теснота в отсеках – не каждому солдату было по силам переносить тяготы службы на бронепоездах. Летом внутри было очень жарко, а зимой стальной корпус промерзал и холод был собачий. По тому – на бронепоезда специально подбирали команду из отчаянных, не боявшихся ни бога – ни чёрта, прошедших через множество сражений – солдат. Бронепоезд прибыл прямо от линии фронта. На стальных клёпаных боках бронированных вагонов видно было несколько пробоин и вмятин от снарядов. В «тендере» паровоза зияла большая дыра от попавшего туда снаряда. Из разговоров Тимофей понял – что бронепоезд идёт на ремонт в Ростов. Закончив погрузку и устроившись в теплушках – казаки стали ждать отправки состава. После полуночи состав дёрнулся, лязгнули буфера. Паровоз дал длинный гудок, и поезд отошёл от платформы. Через некоторое время все уже засыпали под монотонный стук колёс. Утром остановились на какой – то маленькой станции. Паровоз отцепили, и он покатил к водонапорной башне. Из каждой теплушки по несколько человек отправили за водой и кипятком на станцию. На открытых платформах, где стояли полевые кухни – суетились повара получившие приказ быстро приготовить обед и накормить всех горячим обедом. Через пару часов к полевым кухням потянулись вереницы казаков с котелками. Получив порцию вкусной с «дымком» мясной похлебки они тут же торопились к своим теплушкам, чтобы спокойно поесть, устроившись в тенёчке под вагонами не боясь отстать от своих. Но они успели не только пообедать, но и придремать – пока вновь подали паровоз. И вот поезд тронулся, и снова застучали колёса на стыках рельс, побежали на встречу телеграфные столбы, проплывали полустанки и разъезды. Эшелон шёл в сторону Петрограда. Но до него было ещё далеко.

7. – Ещё было немало станций и полустанков. Немало городов и сел в бескрайних просторах нашей России. Лишь к концу сентября добрались они до Петрограда. Точнее – эшелон загнали в тупик на маленькой станции в тридцати верстах от Петрограда. Начальник эшелона, связавшись по телеграфу с генеральным штабом, отдал приказ начать выгрузку. Эшелон из тупика перегнали к платформе. Так же по деревянным трапам выводили лошадей. Вели за станционный «пакгауз» и, привязав за повод к бревну коновязи, возвращались за следующими. Так вывели из вагонов всех лошадей. Коноводы там же их седлали, а остальные казаки помогали скатывать на платформу пушки, тачанки. Грузили на повозки боеприпасы и их тоже отправляли за «пакгауз». Туда же переместили и походные кухни. На станции было полно народа. За кипятком стояли огромные очереди. Станционный «Титан» (бойлер), не успевал греть воду – не смотря на усилия истопника. Многие солдаты – да гражданские тоже – разводили костры. И повесив над ним котелки и чайники, кипятили воду. Тимофей сначала пошел за кипятком к «Титану» но увидев длинный хвост очереди, вернулся к своим. Насобирали разных дровишек, развели огонь. Не дожидаясь, когда их позовут на обед, хуторяне по своей давней степной привычке доставали из вещмешков остатки крупы сала и через полчаса у них был готов «ПОЛЕВОЙ КУЛЕШ» который они варили вечерами в степи или на пашне. Подкрепившись и напившись, чаю с неизменным «чебрецом» и «душицей» Тимофей, подложив вещмешок под голову, задремал в тенёчке возле повозки груженной ящиками со снарядами. Тут же примостился и часовой поставленный охранять боеприпасы. После долгой дороги в грохочу-

щих вагонах – перекусив и напившись горячего чая его, тоже разморило, положив карабин на колени, он тщетно боролся со сном, и голова его дергалась, когда с неё спадала фуражка. Пошарив рукой – он снова надевал её на голову и через минуту опять клевал носом в колени. Тимофей, наблюдая эту «картину» и сам не заметил, как заснул..., и снилось ему, что он идёт по дороге к Храму. Рядом с ним разодетая в праздничную одежду Агаша. А маленькая Катенька, забегая вперёд, что то – им рассказывает, и звонко по – детски смеётся. На колокольне звонят колокола, а точнее один колокол. Звук колокола, какой – то дребезжащий и вызывающий тревожное волнение. Тимофей ни как не может понять от чего так тревожно в душе, и он пытается спросить об этом у Агаши. Но она с Катенькой уходит всё дальше по дороге, а он не может их догнать. Проснулся Тимофей в холодном поту. И посмотрев по сторонам – понял, что это был лишь сон. И звонит не колокол – это повар «дубасит» железякой по куску рельса висевшего у «пакгауза» рядом с пожарным щитом и деревянным ящиком с песком. И таким образом приглашая всех к обеду! Вечером того же дня на привокзальной площади собрался «митинг». Не понятно от куда взявшиеся – горластые ораторы, по очереди сменяя друг друга, поднимались на повозку что бы их видели и слышали. Кричали в толпу свои лозунги про войну до «Победного конца»! Другие агитировали за то что бы войну поскорее закончить и вернуться по домам к своим семьям и детям. В самый разгар стихийного митинга на повозку взобрался человек в кожаной куртке и такой же фуражке, какие носили шоферы из авто – гаражей. Не смотря на не высокий рост и щупленькое телосложение – вид у него был довольно боевой. Сдернув с головы кожаный картуз перекрывая толпу своим зычным не подходящим к его «фигуре» голосом кричал в толпу: Солдаты! Наша партия Большевиков во главе с Владимиром Лениным призывает Вас сбросить, наконец, оковы капитализма! Необходимо создавать «советы солдатских и крестьянских депутатов! В Петрограде уже созданы комитеты, – которые ведут подготовку к свержению «Временного правительства» и передачи всей власти народу. Тимофей с товарищами тоже пришел на митинг. Хотелось узнать, как дальше жить? – но послушав агитаторов «КУЛИКОВ» хваливших своё болото, выкурив подряд две сигарки, так толком ничего и не понял. Понял только – что мирной жизни настал конец и придётся им повоевать и пролить кровушки своей и чужой изрядно. Выбираясь из митингующей толпы, они видели, как к повозке, на которой возвышался очередной кричащий в толпу оратор – агитатор, разрезая людскую массу как ножом, двигался небольшой конный отряд. Добравшись до повозки, офицер приказал прекратить митинг и разойтись. Но на повозку взобрался человек в солдатской шинели и закричал: Не расходитесь товарищи! Доколе офицерье будет нам рты затыкать! Мы в окопах вшей кормим, а они тут по тылам жируют. За царя батюшку наши головы не шадят! А где он Царь то – нету Царя – отрёкся он от престола, а значит, отрёкся и от нас! За кого воевать? За какую власть? За помещиков да буржуев кровь свою проливать! Хватит – будя, навоевались уже! По домам надо – хлеб растить да землю пахать! Вон Ленин с большевиками «декрет» издал: «Землю отдать крестьянам, а фабрики рабочим». Не с руки нам дальше воевать. Домой надо возвращаться к семьям своим! Офицер, прижав лошадь к повозке, кричал с пеной у рта: Прекратить агитацию! Арестовать провокатора! Зарублю сволочь! И взмахнув пашкой, плашмя ударил его по голове. Человек в солдатской шинели присел от удара и подскочившие казаки из отряда быстро скрутили ему руки за спиной и поволокли к стационарному зданию, где располагался штаб казачьего полка. А когда Тимофей с друзьями подходили к «пакгаузу» где после выгрузки ждали дальнейших указаний прибывшие казаки, они услышали короткий винтовочный залп. Всем было ясно – это расстреляли арестованного агитатора. На ночлег их определили в стоящую неподалеку пустующую конюшню Царского конного завода. Уставшие от эшелона они были рады, хоть какой – то крыше над головой.

8. – Конец сентября хоть и выдался солнечным и довольно тёплым, но это уже была осень. А близость Балтики – говорило о том, что здесь не юг и не донские степи. Поставив коней в стойла, накормив и напоив – казаки, не раздумывая, устроились прямо в яслях на сене и,

засыпая Тимофей, слышал, как рядом вздыхает его конь, толкая его мордой и как бы говоря «подвинься друг мы оба так устали».... Утром проснувшись первым делом, Тимофей принес воды и напоил коня. Осмотрел и почистил ему копыта. За то время – что они пробыли в пути – у коня долгое время находившегося в замкнутом пространстве вагона, копыта были покрыты мелкими трещинками. А это говорило о том, что сопровождавшие их в эшелоне коноводы, мягко сказать плохо выполняли свои обязанности – что в общем, то не допустимо. Но ленивым и нерадивым всегда и на всё наплевать – им бы поесть послаще, и поспать подольше. В коноводах и обозниках, как правило, служили или ленивые прохвосты, или списанные по ранению в «обоз» – казаки. А за строевым конём особый уход нужен. Казак сам не доест – а коня накормит. Сам не допьёт – а коня напоит! Лошадей Тимофей любил с самого детства. Подроском гонял вместе с хуторскими мальчишками коней в «ночное». Лошади паслись и отдыхали от дневной работы. На хуторе всё – таки было больше рабочих лошадей – чем строевых. И Тимофейка – коршунок с друзьями всю ночь сидели у костра – пекли в золе картошку и, поужинав печёным картофелем с зелёным лучком да сальцем, с чумазыми рожицами лёжа вокруг костра, смотрели на звёздное небо. Слушали рассказы, когда то лихого рубаки – казака деда Никифора, про войну с турками и японцами. И они тоже мечтали попасть на войну, сражаться за Царя и Отечество и вернуться домой с «ГЕОРГИЯМИ» на груди. Дед Никифор на праздники и хуторские сходы всегда надевал парадный мундир, на котором помимо других наград – красовались все четыре «Георгия». На заре когда над водой в реке поднимался туман – лошади шли на водопой. По самую грудь их скрывал густой утренний туман, и казалось, что кони плывут по туману как по воде далеко разлившейся и вышедшей из берегов реки. Но чем выше поднималось над горизонтом солнце, тем ниже стелился туман над Доном рекой, а потом и вовсе исчезал. Воспоминания, нахлынувшие на Тимофея, вновь унесли его в родные края. Чистя специальным скребком копыто своего коня, он думал о своей семье оставшейся на хуторе без мужских рук. Как они там без меня теперь управятся? Скоро зима – а здесь об окончании войны пока ни слуху – ни духу. Тимофей даже не представлял себе, что скоро всё в его армейской жизни изменится и перевернётся с ног на голову!...

9. – В конце октября из Петрограда прислали телеграмму. В которой сообщалось, что власть перешла в руки «большевиков». Штурмом взят «Зимний дворец». Поступил приказ срочно перебросить казачий полк в Петроград. Для защиты города от революционных отрядов большевиков силой взявших власть и установивших диктатуру «Пролетариата». Тут же появились агитаторы и провокаторы разных мастей. Одни агитировали защитить и сохранить монархию. Другие пытались склонить на сторону большевиков – эсдеков, партии – во главе которой стоял В. И. Ульянов (ЛЕНИН). Третьи вообще считали, что правильный путь к равенству идет только через «Анархию», так как «АНАРХИЯ мать ПОРЯДКА» и призывали вступать в их партию. В полку начались волнения. Казаки собирались на митинги и обсуждали сложившуюся ситуацию. Уже слышались призывы – «бить офицерё» и расходиться по хуторам и станицам. Но тут полк построили и зачитали приказ командира полка: В связи со сложившейся обстановкой, в целях предотвращения дезорганизации полка и морального разложения личного состава создать «ОСОБЫЙ ОТДЕЛ» – по борьбе с провокаторами и агитаторами. Наделить «ОСОБЫЙ ОТДЕЛ» полномочиями позволяющими расстреливать провокаторов по закону военного времени без суда и следствия. Для устрашения тут же на виду всего полка расстреляли троих распространявших листовки и газеты среди казаков – «провокаторов». После этого волнения в полку поутихли. Казаки, собираясь по несколько человек, обсуждали положение в стране и на фронте и как только появлялись подозрительные люди, все разговоры на политические темы прекращались. Говорили о доме, о семье и детях. Гадали – какой урожай будет на следующий год. Так прошло ещё три недели. Все уже устали от неопределённости. Но вот, наконец, пришёл приказ вновь грузиться в эшелон и отправляться на Южный фронт. На станцию подали такой же железнодорожный состав. Тимофей, с товарищами чертыхаясь в душе, опять стали

грузиться в вагоны – теплушки, в которых стояли печки – «Буржуйки». Был уже конец ноября и ледяной ветер пронизывал шинели насквозь. Эшелон отправился на фронт, а где этот фронт толком никто не знал. Через две недели эшелон прибыл на станцию Воронеж. До Воронежа были сплошные мытарства. НЕ давали паровозы, не было дров и угля. В нескольких местах на маленьких станциях эшелон простаивал целые сутки. Несколько раз попадали под артиллерийский обстрел. На станции Воронеж – эшелон сразу подогнали к платформе и спешно начали разгрузку. Ещё не успев полностью выгрузиться – получили приказ занять оборону с северной стороны станции. Чуть позже конная разведка доложила о приближении к станции вооружённого отряда, который состоял из примкнувшим к большевикам – матросов и солдат. С красным флагом и красными ленточками на груди они двигались к станции, намереваясь с ходу овладеть вокзалом – где находился телеграф и водокачкой. Заняв оборону за водонапорной башней казаки, уведя в укрытие лошадей, выкатили на прямую наводку три из шести орудий и ждали команду открыть огонь. Как только первая цепь наступавших красноармейцев приблизилась на расстояние ружейного выстрела, была дана команда «открыть огонь». Но огонь никто не открывал, в рядах оборонявшихся произошло небольшое замешательство. Видя перед собой таких же русских солдат – а не немцев и австрийцев в остроконечных касках с винтовками и примкнутыми к ним длинными штык – ножами, казаки не торопились стрелять. Тимофей – заняв позицию за сложенными штабелями железнодорожных шпал – тоже не сразу стал стрелять по атакующим красноармейцам. Для него – да и для многих недавно призванных на службу казаков – это был то сути первый бой. Только когда пуля, выпущенная из «нагана» – бегущего на него одетого в чёрный бушлат и бескозырку матроса тюкнула рядом с его головой, и вонзилась в шпалу, отколов от неё кусок чёрной, пахнущей смолой щепы больно кольнувший Тимофея в подбородок он нажал на спусковой крючок. Поняв – что промахнулся, он дрожащими пальцами передёрнул затвор карабина, и вновь выстрелил. Бегущий на него матрос остановился – будто налетев на невидимую, преграду и стал медленно заваливаться на бок, успев выстрелить в Тимофея из нагана. Пуля попала ему в левое плечо, и Тимофей почувствовал такую боль! – словно тысяча иголок вонзилось в тело. Ещё не поняв, что его ранили, он смог выстрелить ещё раз, но онемевшая рука не могла удержать карабин и плетью повисла вдоль тела. Наступавшие красноармейцы были уже совсем рядом со штабелями шпал, – за которыми занимали оборону казаки. Залп из орудий стоящих на прямой наводке попал точно в цель. Взрывы снарядов разметали цепь наступавших, и они залегли. Артиллеристы открыли беглый огонь по наступавшим и решили исход боя. Оставшиеся в живых красноармейцы отошли – атака была отбита. В этом скоротечном бою казаки понесли первые потери – Несколько человек было убито – раненых больше десятка. Тимофей в первом своём бою получил не только ранение в плечо – его еще и придавило шпалой, когда один из снарядов разорвался, попав прямо в сложенные в штабеля железнодорожные шпалы, за которыми он занял свою позицию. От взрыва шпалы разбросало и одной из них ему придавило ногу. От острой боли – Тимофей на какое – то время потерял сознание и очнулся, когда его на носилках подоспевшие санитары несли к зданию вокзала, где расположился лазарет. Пока ему перевязывали раненное плечо – военный врач осмотрел его ногу и констатировал перелом голени. После перевязки ему наложили «шину» – прибинтовав к сломанной ноге две попавшиеся под руку дощечки от снарядного ящика. Те – же санитары понесли его на носилках через железнодорожные пути к стоявшему в тупике санитарному поезду. На следующий день подали паровоз, и санитарный поезд повез раненных, в сторону Ростова. В госпитале, в городе Новочеркасске Тимофей провалялся почти два месяц. Рана на плече затянулась, хотя и давала о себе знать по ночам тупой болью. С ногой же дела были гораздо хуже. Кости хотя и срослись – но срослись не правильно. Пытаясь начать ходить, он просто выл от боли и без костылей не мог сделать и двух шагов. Пройдя врачебную комиссию – Тимофей был признан временно негодным, к какой либо службе и его отправили домой на излечение до полного выздоровления.

10. – Только через неделю на попутных подводах он добрался до родного хутора. У околицы – встретившиеся ему хуторские мальцы, узнав Тимофея – побежали в хутор сообщить Агаше, и всем кто попадался им по пути что Тимофей «Коршун» вернулся раненый с войны. Услышав – что её Тимофей вернулся на хутор – Агафья, схватив в охапку ничего непонимающую дочурку, побежала в сторону околицы, и увиделадвигающегося на костылях Тимофея. Оба на секунду остановились, он замешкался, передвигая костыли, и чуть не упал. Но Агаша добежав до него опустив Катюшу на землю, подхватила его под руки и, заливаясь слезами, причитала: Вернулся родной – вернулся мой хороший! Дочка – батька наш вернулся – живой вернулся! Катенька стояла и снизу смотрела на отца и тоже плакала – размазывая слезы по запачканным щекам. Потом подошла к отцу – уткнулась личиком в его шинель и снова заплакала. Тимофей гладил её по головке и у него тоже по щекам текли слёзы. Так обнявшись – они простояли несколько минут. Наконец придя в себя и немного успокоившись, они, не торопясь, потихоньку пошли по улице к своему двору. Из-за плетней и открытых ворот, на них смотрели соседи – хуторяне. Мужики снимали шапки и молча, кланялись и приветствовали Тимофея. Бабы – утирая кончиками платков слёзы, говорили – ну вот Агафья дождалась ты «своего» мужика. Хоть на костылях – да живой вернулся. А мы об своих, и не знаем толком ничего. – Тимошка! Ты об моём Митьке не слыхал чево? Може видал где? – спросила соседка Мария. – Вместях были до того боя – ответил Тимофей. А после не знаю, не встречал его больше. Меня в лазарет отправили, а потом в госпиталь. Нет, не встречал я из наших никого. Живы наверно – воевать «кончуть» так и по домам вернутся. Я вот видно отвоевал своё а «може» – ещё придется повоевать – время покажет. Так они дошли до двора, где их встретила заплаканная – сильно постаревшая мать. – Я уж думала, что не дождусь тебя сынок – запричитала она – осторожно обнимая и целуя Тимофея. Да – вот дал Бог свидеться на этом свете – а што на костылях – это не страшно. Главное – что живой, а раны залечим, дома и стены родные помогают. Вечером собрались соседи – отпраздновать возвращение. «Пришкандыбал» старый Никифор по такому случаю одетый в парадный мундир с «Георгиями». Сняв овчинный козушок и папаху, перекрестился на иконы, и спросил – ну што казак отвоевался? – не горюй Тимоха! Войны ещё на всех хватит. Война, – то нынче какая? Брат на брата пошёл – сын на отца! Долгая будет война – и кровушки невинной прольётся много! Об этом и в Святом писании сказано, ты же грамотный – читал, поди? А ещё в «БИБЛИИ» написано – что по небу птицы железные будут летать. И ведь летают! «ЕРОПЛАНЫ» называются. Ты Тимоха мабуть видал еропланы – али нет? Видел однажды – ответил Тимофей. Наш эшелон на станции стоял, а «стрекоза» над станцией пролетела. Потом говорили, разведку вёл. Похож дюже на стрекозу – стрекочет мотором и крылья двойные как у стрекозы. Вот и я говорю – что конец света скоро! Люди в Бога перестают верить – а без веры ни как нельзя – без веры всему конец придет. Никифор перекрестился и зашептал молитву «Отче наш иже еси на небеси! Да придет царствие твоё...» Мужики разлили по чаркам вино – не чокаясь, выпили за упокой душ убиенных. Потом за здоровье Тимофея – пострадавшего на войне, и за благополучие в их доме. Агаша уложив спать Катеньку, сидела в уголке вместе со свекровью и обе ещё не верили, что муж и сын пришёл с войны живым – раненный, на костылях – но живой!

11. – До самой весны Тимофей проходил на костылях. И только на «ПАСХУ» вышел на улицу, опираясь на палку, чтобы похристосоваться с соседями. Стоя у ворот смотрел, как хуторяне идут после всеношной службы в храм. Проходившие мимо останавливались, и по обычаю обращаясь к нему, говорили – Христос Воскресе! и Тимофей отвечал – Воистину Воскресе! и кланялся, приглашая зайти в хату и «Разговеться». Многие чтобы не обидеть хозяина заходили выпить чарку и отведать кулича и творожную «пасху». Трижды целовались и обменивались «крашенками» (яйцами, окрашенными луковой шелухой и отваром молодых листьев тополя). После обеда молодежь и детвора собрались на пасхальную забаву – «катать крашеные яйца» – брали дощечку, ставили на камень одной стороной и как с горки отпускали

яйцо. Оно катилось и останавливалось, а следующий игрок, отпуская яйцо, старался направить его так, чтобы оно столкнулось с предыдущим. Если столкнулось – он забирал сбитое, и снова спускал с дощечки крашенку. Вроде бы незатейливое развлечение – а веселья хоть отбавляй! Рядышком на перевернутой вверх дном лодке сидели старики, греясь на солнышке, гуторили о своем. Они тоже за зиму насиделись по хатам, и сейчас поглядывая на голубое в облаках небо, дед Фёдор лениво поддерживая разговор, говорил – «Вясна – Тяпло!» – ужотко скоро на пахоту выезжать, а там и сеять пора придёт. Да! отвечал дед Никифор – пасха нонче ранняя значит и «вясна» ранняя. Надоть до «Губатого» (восточный ветер) – отсеяться – а то все зерно сдует суховой треклятый. Вот и я о том же вторил ему дед Фёдор – почёсывая реденькую седую бороду и глядя, куда – то вдаль продолжал: Эх! Никишка – прошли наши годы, что годы – жизнь прошла, только и остаётся на молодёжь смотреть, да свою молодость вспоминать. А оно вишь как! Думали, што сносу нам не будет. А всему Никифор есть начало и есть конец. В общем – круговорот в природе полный – одни рождаются – другие уходят... Эх! Пойдём ещё винца выпьем, а то што – то мы загрустили с тобой. И то правду гуторишь – пойдём по «мерзавчику» выпьем, нонче ж праздник Великий «ВОСКРЕСЕНЬЕ ХРИСТОВО» А што завтра будет – один ГОСПОДЬ знает. Они поднялись и пошли, опираясь на палки во двор к Никифору, где был накрыт стол ещё с самого утра.

12. – Через неделю все хуторяне уже были на пашне. Праздники закончились, и надо было сеять хлеб. Пахали в те времена в основном на быках. Рабочие быки хоть и упрямые, но силищи в них много. Пара быков запряженных в плуг могли спокойно вспахать не одну десятину земли. Рабочая лошадь не шла ни в какое сравнение с этими сильными и выносливыми тружениками полей. Да и не только полей – на быках, впряжённых в огромную повозку «арбу» – возили мешки с зерном, сено с заливных лугов и прочие грузы. Как на пахоту – так и на сев выезжали с ночевкой – выезжали не на один день. В хуторе в это время оставались только те – кто не мог хоть чем – то помочь в поле. Тимофей, оставив Катеньку на попечение своей матери, тоже выехал с Агашей и соседом Иваном – погрузив семена, бороны и другой сельхозинвентарь на арбу и привязав сзади арбы двух лошадей. Он еще прихрамывал – но надо было сеять хлеб – а помощи кроме как от соседа ждать было неоткуда. Но оказалось, что мир, не без добрый людей. Хуторяне, видя как тяжело, приходится ещё не окрепшему от ран Тимофею – закончив работы на своих наделах, пришли на помощь и за два дня с шутками и прибаутками засеяли и прикатали вальками, чтобы не раздуло ветром посеянное зерно. Вернувшись в хутор и отдохнув пару дней, по обычаю устроили праздник. Окончание сева было заделом нового урожая. И по старому – испокон веков соблюдающемуся обычаю на площади рядом с хуторским правлением накрывали столы. Атаман выкатывал из погреба бочонок с вином. Все несли из дома на праздник свою нехитрую закуску и конечно своё – домашнее вино. Бабы и молодки, быстренько накрывали столы, и атаман, взяв слово: поздравлял всех с окончанием весенних полевых работ. Выпивали по чарке и, закусив, начинали строить планы на осень. После пятой чарки дружно пели свои любимые песни. Точнее не пели а «играли» – На Дону песни играют. Один заводит – все остальные подхватывают и без всякой музыки раскладывают по голосам. На Дону песни играют не торопясь, тягуче и получается так душевно, что донские песни не спутаешь ни какими другими. До самой зари над хутором плыли необычайно нежные Донские напевы. А на заре уже мычали коровы, гремели подойниками бабы в коровниках. Пастух «Филька горбатый» играл на рожке незатейливую мелодию. Коровы сами шли на голос его рожка и он – собрав стадо – шёл впереди, а они как замороженные шли с ним за околицу. За хутором он прятал за пазуху рожок и, взмахнув кнутом – который в его руках со свистом разрезая воздух, щёлкал так – что этот щелчок был похож на хлесткий выстрел «трехлинейки» – гнал стадо пастись по балкам, где было много сочной – молодой весенней травы. Филька в малом возрасте упал с дикой груши. С тех пор неправильно сросшиеся кости ключицы поднимали одно плечо, и казалось что у него и, правда, вырос горб. По этому, все

на хуторе его и звали «Филькой – горбатым». Он привык к своему прозвищу и уже ни на кого не обижался. По уговору каждый двор по очереди кормил Фильку вечером ужином, а на день собирали узелок на «перекус» – обычно пару вареных яиц да кусочек сала, краюха хлеба и бутылка молока. А осенью по окончании выпаса – атаман выплачивал из общей хуторской казны – обговорённую ещё весной денежную плату.

13. – Так незаметно прошло лето. Заготовленное на зиму сено сложили в стога. В огородах зрели «кабаки» (тыква) – на виноградниках наливались соком гроздь винограда. На «бахче» уже собирали спелые арбузы, скатывая их в кучи, чтоб сподручнее было грузить на подводки. Как весной за рыбой – так и за арбузами приезжали перекупщики и скупали всё «на корню». Но арбуз не рыба – его на арбе до Ростова не довезёшь! Поэтому они нанимали баржи и, нагрузив как можно больше арбузов, тянули их вниз по течению маленькими парходами – буксирами в Ростов. Не раз случалось, что перегруженные от безмерной жадности торговцев баржи садились на мель. И тогда им приходилось нанимать «бурлаков» из окрестных станиц и хуторов. Мужики собирались и, заломив хорошую цену – понимая, что перекупщикам некуда деваться – брались за канаты и вручную стягивали севшие на мель баржи, помогая дымящему и пытящему на всех парах – буксирному пароходоку. Под старую песнь бурлаков «Эх – ухнем! Да ухнем!» баржу снимали с мели и, получив плату, шли дружной толпой в ближайший кабак, или винную лавку – что бы тут же её пропить. Эти деньги не несли в семью. По не писаному закону их надо было пропить, и это был лишний повод скрасить однообразие своей жизни. Но если севшую на мель баржу – сдергивали с этой мели – и она плыла к Ростову, то в случае – когда баржа с арбузами загруженная как говорится «выше крыши» на повороте реки давала сильный крен она просто начинала тонуть. Вот тогда по Дону до самой станицы «Багаевской» плыли арбузы. Детвора на лодках собирали их рыбацкими сачками и выгружали на берег. Подводками люди везли по своим дворам, как они называли «Божий дар» – а перекупщики с затонувшей баржи подсчитывали свои убытки. Но как говорится жадность губит ..... Конечно – это были единичные случаи – и в основном из за жадности торгашей. Так что арбузы с донской «бахчи» доплывали до Ростова и растворялись на городских базарах. Кто жил поближе к Новочеркаску возили арбузы на «сенной рынок и там продавали горожанам свои сладкие, словно сахарные на разломе арбузы. С середины августа начинали созревать ранние сорта винограда – так называемые столовые сорта. А к концу сентября и весь октябрь месяц на виноградниках шла уборка винных сортов. Огромные тяжелые плетёные корзины грузили на подводки и свозили на винодельни и винокурни. Пропущенный через «дробильню» виноград отжимали ручными прессами. А на «винзаводах» – таких как в Новочеркаске прессы были паровые. Огромный дубовый чан с прорезями вдоль боков – наполняли дроблёными гроздьями винограда. Сверху укладывали прессовый круг, и устанавливали вал с винтовой резьбой. Вал медленно вращался за счет шестерней и ременного привода от паровой машины. Вал вкручивался, и прессовый круг давил на виноградную массу, а по бокам через прорези стекал в сокоприёмник выжатый сок и по желобу попадал в бродильные чаны. На станичных и хуторских винодельнях всё делали вручную – в остальном процесс производства вина был примерно одинаковым. Агафья всю осень проработала на виноградниках. Свекровь приглядывала за Катенькой и управлялась с хозяйством. Тимофей с утра до ночи возил собранный виноград на станичную винодельню – а это пять верст в один конец. За день делал по четыре, а то и по пять ходок. Вернувшись, домой – распрягал и поил быков, задавал им корма. Умывшись и поужинав, у него лишь хватало силы подойти и поцеловать спящую дочурку, добравшись до постели, он замертво падал и засыпал до следующего утра.

14. – Прошло три года. Гражданская война обошла стороной затерявшийся в донских просторах хутор. За эти годы установилась Советская Власть и в соседней станице и у них на хуторе. Наступило время «НЭПа» (новой экономической политики). Стали образовываться разные артели и кооперативы. Появилось понятие «частная собственность» – многие стали

заниматься тем – о чём раньше могли только мечтать. Тимофей – имея неплохой опыт в шорником деле – открыл свою мастерскую. Продал быков и одного коня – поехал в Ростов и закупил необходимое оборудование и материалы (кожу, выделанную и сыромятную, гвозди и пряжки) в общем, всё, что нужно для изготовления хомутов и прочей упряжи. Освободившийся от быков сарай они с Агафьей и соседом Иваном переделали под мастерскую. Вычистили и побелили стены, набили глиняный пол, вставили новые со стёклами оконные рамы. Сколотили добротный стол – верстак. Иван, наученный своим отцом столярному мастерству – делал заготовки для хомутов, а Тимофей на эти заготовки крепил всё остальное – начиная от набитого сеном мягкого «загривка» и заканчивая сыромятными «гужами». Сработав несколько хомутов – повёз Тимофей их на станичный базар – где продал по хорошей цене. По началу люди осторожничали – прицениваясь, давали низкую цену. – Но узнав из разговора, что эти хомуты он делает сам – а не перепродает чужой товар, видя достойное качество товара – походив по рядам, они возвращались и покупали хомут по цене назначенной Тимофеем – хотя и торговались для приличия. Базар на то и базар – чтобы торговаться и сбить цену хоть на копейку. Со временем появились заказчики. Заказывать хомут приезжали люди не только из округи – но даже из Новочеркасска. Сосед – Иван Кураков у себя на подворье столярил: гнул «дуги», полозья на сани – ремонтировал колёса (менял спицы и втулки). Со временем стал делать «ходки» и «дрожки» и прослыл неплохим тележным мастером. Но по необходимости по прежнему делал Тимофею заготовки для хомутов. Так за время «НЭПА» они сколотили не плохой «капитал» – а если говорить серьёзно – денег хватало и на семью и на «чёрный день» припасли. Но всему хорошему приходит конец. Власть – поняв, что народ стал жить лучше – решила придавить налогами. Помимо «патента» – купленного у государства теперь надо было платить налоги. У государства после гражданской войны не было денег в казне. А «НЭП» дал возможность людям зарабатывать и тратить деньги. А раз у народа есть деньги – надо их у него отнять, обложив непосильными налогами. На этом закончилась Новая Экономическая Политика или попросту «НЭП». Явились и к ним на хутор «фининспектора» – все кожанках с портфелями. Пересчитали – у кого, что есть и какой налог должны платить в казну. Тимофею насчитали столько! что «прибыли» – ему оставалось столько – сколько стоит пучок сена, заложенный в загривок хомута. Дали месяц срока на уплату налогов и предупредили – кто не заплатит вовремя, у того опишут имущество и продадут «с молотка» в счёт уплаты налогов. Тимофей с Иваном просидели всю ночь, обдумывая ихнее положение, и пришли к выводу: Надо избавляться от готового товара, всего оборудования и материалов и уходить из хутора. За неделю они распродали всё, что было можно по низким ценам. Но все же выручили неплохие деньги. Собрали пожитки, погрузили на повозки домашний скарб, и ночью бросив дома, уехали с семьями в сторону города Шахты. В то время на шахтах можно было затеряться – ведь там работал народ в основном приезжий. Кто – то думал заработать, кто – то был не в ладах с законом. Добравшись до города – они сняли жильё. Тимофей, снял приличный домик в шахтерском посёлке, и Агафья стала налаживать быт. Но в городе ей не нравилось – повсюду лежал слой угольной пыли. Ни постирать тебе – ни бельё развесить! Чуть дунул ветерок, и бельё становилось серым – впору опять перестирывать. Катюша, выйдя во двор погулять – через пять минут превращалась в чумазию замарашку. Иван Кураков хоть и снял дом в центре города – так же страдал от вездесущей угольной пыли. Жена не успевала обстирывать четверых детей и жаловалась Агафье на своё житьё. Так прожили зиму... и весной – когда начал таять снег и по улицам потекли чёрные ручьи. – Они не выдержав – собрали вещи, сели с детьми в поезд отправились в центральную Россию. В Тамбовской губернии – они, имея на руках неплохой капитал, обзавелись хозяйством и потихоньку стали привыкать к новым условиям жизни. Дети подросли и пошли в школу. Катюше учёба давалась легко и начальную школу она окончила с «отличием». Тимофей работал на фабрике шорником – сшивая и перешивая кожаные приводные ремни, а в свободное время, как и прежде, делал на заказ хомуты и конскую сбрую.

Агафья занималась домашним хозяйством и огородом. Иногда собравшись все вместе за ужином, вспоминали свой хутор. Им хотелось вновь побывать в родных местах, постоять на крутом берегу Дона – услышать милые сердцу донские напевы...

15. – Так в мечтах о возвращении в донские края они прожили в Моршанске до конца тридцатых годов. А в сорок первом, 22- июня по радио объявили о нападении на нашу страну немецко-фашистских захватчиков. Без объявления войны, не смотря на подписание пакта о ненападении, немецкие войска перешли нашу границу. Началась Великая Отечественная война. Тимофей услышал о начале войны из речи И. В. Сталина, которую транслировали по радио. Напротив «пожарки (пожарной части)», на фабричном дворе, висел репродуктор. Предупрежденные заранее работники фабрики собрались в назначенный час вокруг столба, на котором висел репродуктор. И вот из репродуктора послышался голос Сталина: « Граждане и гражданки...» из речи Сталина стало ясно, что началась война и объявлена всеобщая мобилизация мужчин призывного возраста. Для защиты нашей Родины от фашистских захватчиков, несущих смерть и разрушения по нашей земле. Тут же на фабричном дворе прошёл митинг. А сразу после митинга, приехавшие работники военкомата и райкома партии уже принимали заявления от добровольцев, решивших сейчас, сиюминутно – встать на защиту наших рубежей. Ни кто тогда и подумать не мог, что эта война будет такой долгой и кровопролитной. Тимофей не был в числе добровольцев, хотя прекрасно понимал, что ему тоже предстоит повоевать. Из сводок «Сов-информ-бюро» было ясно, что, не смотря на героизм наших бойцов и командиров, наши войска несут огромные потери и отступают перед натиском врага, и враг продвигается вглубь нашей страны. К ноябрю 1941 года немцы были уже под Москвой, где на защиту столицы нашей Родины встало все население Москвы и Подмосковья. Вновь, как при «Минине и Пожарском» появилось «Народное ополчение» – рабочие встали на защиту столицы. И не только рабочие: в Народное ополчение шли инженеры и учителя, доктора наук и их студенты. Все встали на защиту Москвы. Женщины, до войны, не державшие в руках лопаты – рыли траншеи и противотанковые рвы. Дети дежурили на крышах домов, вооружившись железными клещами и ведрами с водой и песком, тушили зажигательные бомбы. И гибли во время налетов немецкой авиации. Разве мог Тимофей, прошедший первую Мировую и гражданскую войны, спокойно жить и работать? Нет, не мог. Он пришел к военкому и сказал: сшивать ремни может любая женщина, а моё место там на фронте! В тот самый момент, когда Тимофей находился в кабинете военкома, завывла сирена – это была первая воздушная тревога, немецкие самолеты прилетели бомбить железнодорожный мост недалеко от ж.д. станцией «Коршуновка». Было слышно как зенитные орудия, установленные для защиты моста, открыли огонь по немецким самолетам. Не ожидая такого отпора, немецкие лётчики сбросили бомбы, и ушли на запад. Бомбы не причинили ни какого вреда самому мосту. Но одна бомба угодила в пожарный пруд Коршуновского литейно-механического завода, подняв в воздух огромный столб воды и побив осколками стекла в окнах механического цеха. Слава Богу – обошлось без жертв. Военком, так же прошедший две войны понимал, что удержать Тимофея в тылу просто невозможно, и он принял от него заявление с просьбой отправить его на фронт. Через два дня принесли Тимофею повестку и он, попрощавшись с Агашей и дочкой, которая стала совсем взрослой, обнял и поцеловал их на прощанье. Как в старые времена перед разлукой, присели «на дорожку» по русскому обычаю, и Тимофей наказав Катерине, помогать матери и не оставлять ее одну, с её больным сердцем, обнял ещё раз жену и дочку. Вместе дошли до военкомата, где уже урчала, и покашливала мотором полуторка. В кузове сидели на дощатых скамейках человек десять таких же добровольцев, с вещмешками и котомками. Вышедший из военкомата молоденький лейтенант сделал переключку, сел в деревянную, обшитую жстью кабину грузовика, и машина, скрежеща коробкой передач и подвывая задним мостом, покатила из города. Выехали на большак и через час езды, свернули на проселочную дорогу, ведущую в большое село Карели. Там у здания сельсовета их дожидались сельские добровольцы. Играла гармонь,

кто- то из провожающих приплясывал, толи чтобы согреться на холодном ветру, толи им было весело от выпитого за прощальным столом крепкого самогона первача. Покидав в кузов вещмешки, ребята добровольцы распрощались с провожавшими их женами и матерями, обнявшись на прощанье с отцами и младшими братьями, быстро попрыгали в кузов, и полупорка двинулась из села в сторону Рязани. А над сельской церковью, с колокольни ещё долго слышался прощальный колокольный звон.....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.